

A.S. REUTOV

**КОНЦЕПТ ПРОИЗВОДСТВА ПРИСУТСТВИЯ
В КОНТЕКСТЕ ВИЗУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

В настоящей статье ведётся анализ концепта производства присутствия Х.-У. Гумбрехта с изложением и пояснением основных категорий и отношений. Очерчиваются рамки, в которых данный концепт может быть применён в сфере визуальных исследований – научном поле, который, по мнению автора и некоторых исследователей, упирается в прочную стену своих идейных источников, и, будучи шире их, не может решить свои внутренние вопросы.

Ключевые слова: *производство присутствия, визуальные исследования, значение, ощущение, герменевтика, феноменология*

Реутов Антон Сергеевич - очный аспирант кафедры философии и общественных наук, Нижегородский государственный университет им. К. Минина. E-mail: anton.s.reutov@gmail.com

A.S. REUTOV

**THE CONCEPT OF PRODUCTION OF PRESENCE
IN THE CONTEXT OF VISUAL STUDIES**

In this paper, an analysis of the concept of production of presence of H.-U. Gumbrecht was made. It contains a summary and explanation of the basic categories and relationships. It also provides a framework in which this concept can be applied in the field of visual studies. This scientific field, according to the author and some researchers, rests on the solid wall of its ideological sources and, therefore, cannot solve its internal problems.

Keywords: *production of presence, visual studies, meaning, sense, hermeneutics, phenomenology*

Reutov Anton Sergeevich - postgraduate student at the Department of Philosophy and Social Sciences, K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University. E-mail: anton.s.reutov@gmail.com

Визуальные исследования за небольшую историю своего существования накопили уже достаточный круг вопросов и нерешённых проблем, которые смогли породить некоторый кризис этой сферы, препятствия, не дающие приблизиться к объекту или даже уводящие взгляд исследователя от него. Это событие произошло в силу самой логики формирования исследований визуального и опосредовано их идейными источниками: структурной лингвистикой, семиотикой, психоанализом, теорией искусства. В своём развитии визуальные исследования ориентировались на методы и принципы этих сфер, вместе с тем забывая особенность своего предмета и своё специфическое положение в структуре гуманитарного знания. Проблемы знака и значения, смысла, восприятия и метафоричности, которые исследователи пытались решить в отношении визуальной коммуникации, не привели к адекватным объяснениям бытия визуального объекта и его роли в процессе восприятия. Вместе с этим такие авторы, как Ж. Диди-Юберман, К. Мокси, Г. Бем, Дж. Митчелл начали менять риторику. Теперь в активный тезаурус вошли такие термины, как «феноменология», «ощу-

щение», «событие», а визуальные исследования ещё больше утратили связь с теорией искусства. Как правило, современные авторы, рассуждающие о визуальном именно в таком, несемiotическом ключе, ориентируются на феноменологов XX века – Сартра и Мерло-Понти, паноптическую теорию Фуко, взгляды Беньямина на взаимосвязь сути искусства и его социальной роли.

Круг теоретических и практических источников у всех современных авторов примерно одинаков и расширяется в ту или иную сторону лишь из-за частных вопросов визуальных исследований, учитывая, что на данный момент, если сравнить с концом 90-х – началом нулевых, сфера визуальных исследований находится в некоторой стагнации. Поэтому поиск идей в нетипичных для этой сферы областях гуманитарного знания особенно важен. В этом ключе целью настоящей статьи является разбор концепции производства присутствия Ханса Ульриха Гумбрехта и его теоретическое значение для анализируемой автором научной сферы.

Концепция немецкого историка культуры и литературного теоретика Х. Гумбрехта, по мнению автора, незаслужен-

но испытывает недостаток внимания исследователей визуального. Особенно это заметно в русскоязычных публикациях. На западе Гумбрехт рассматривается несколькими авторами, изучающими визуальную культуру. Возможно, такое неприятие обязано специализацией автора, которая, с первого взгляда должна оттолкнуть, как сфера, определившая кризис визуальных исследований.

Гумбрехт – один из современных оппонентов герменевтической европейской культуры. Учитывая специфику области научных исследований, он планомерно развивает концепт присутствия в анализе текстов и философии гуманитарных наук. Первое особенно интересно, так как по своей сути «присутствие», как это будет видно далее, противостоит «значению» – познавательной возможности, которую эксплуатирует текст.

В книге «Производство присутствия» Гумбрехт бросает вызов господствующей в современной гуманитаристике практике толкования – «практике опознавания и/или присвоения значений» [1, с. 15]. Хотя работа и была задумана, как книга о методах и сути гуманитарных наук, переосмысления их объекта, она содержит не мало материала, который может быть применён в визуальных исследованиях.

Для начала стоит разяснить, что Гумбрехт понимает под двумя видами дискурса – присутствия и значения.

На основе оппозиции «присутствие – значение» Гумбрехт описывает два типа культуры, характерные для двух этих познавательных целей и стратегий. Культура значения, кризис и крах которой мы сейчас наблюдаем, и культура присутствия, которая выдвигается вперёд, в течение истории сменяли друг друга. Автор связывает эти культуры с центральными философскими понятиями. Для культуры присутствия – аристотелевское понятие вещи, для культуры значения – новоевропейское понятие знака. В первом случае, это важно отметить, вещь понимается как сочетание субстанции – чего-то присутствующего и формы, посредством чего субстанция может быть дана в ощущении. Такая схема не имеет места для разделения «нематериального» значения и «материального» означаемого, которые являются основными для понятия знака. Смена доминирования присутствия и значения в культуре иллюстрируется Гумбрехтом примером понимания таинства евхаристии. В Средние века (культура присутствия) хлеб становился формой для субстанции тела Христова, и для совершения таинства не требовалось дополнительно-

го объяснения. В протестантской церкви Нового времени евхаристия не так очевидна. Хлеб и вино становятся значениями, пробуждающими в памяти верующих события тайной вечери, а не собственно веры и Бога.

Культуры присутствия и значения характеризуются девятью категориальными оппозициями, описывающими онтологические основания мира. Первая оппозиция касается человеческого самоопределения. В культуре присутствия – это тело (телесность и объектность вообще, является основанием возможности присутствия), в культуре значения – это дух или сознание – понятия, занимающие в формировании европейской мысли модерна центральные позиции. Далее человек в культуре присутствия является частью материального мира, способ существования которого описывается, как «бытие-в-мире» (в понимании этого термина необходимо всегда иметь в виду многое, сказанное Мартином Хайдеггером по этому поводу; особенно важен для нас пространственный компонент присутствия «отношение бытия двух протяжённых «в» пространстве сущих друг к другу по их месту в этом пространстве» [4, с. 54]). Культура значения изолирует человека от мира, отводя ему эксцентрическое положение, которое зовётся субъектностью. Это разделение привело к практике господства и насилия людей над миром. В рамках такого соположения человек культуры значения может лишь истолковывать мир, находить в нём некоторые смыслы. Человек культуры присутствия получает знание посредством таких явлений, открывающих активность мира, как богооткровение или самораскрытие. Такое знание уже не требует сверх себя какого-либо акта толкования. Четвёртая оппозиция «вещь – знак» показывает нам структуру познания мира. В культуре присутствия материальная вещь или объект, как элемент мира, ставящий нас в Osborne к нему отношение, является подлинным «смыслом». Он не является лишь знаком, материальность которого отодвигается в сторону, чтобы уступить место «означаемому» – иному, что скрыто за оболочкой, как это работает в культуре значения. В культуре присутствия человек старается поддерживать отношения с миром, включаться в «ритмы космоса», в культуре значения – преобразовывать этот мир, а действия против мира аргументируются как раз этим знанием, которое только человек может добыть. Действию в культуре значения противопоставляется магия в культуре присутствия.

Магией так же совершаются некоторые преобразования, но она не исходит от человека, а открывается благодаря некоторому богооткровению. Все предпосылки, которые дают совершиться магическому акту, уже заложены в мире.

Пространству культуры присутствия Гумбрехт противопоставляет время культуры значения. Пространство занимает определяющую позицию, так как вещьность предметов делает возможным их восприятие. В пространстве организуется сфера из разно удалённых от человека объектов. Время, напротив, является условием длительности процессов действия, производимых над миром, условием темпоральности сознания. Культура значения предаёт пространство забвению, ставя время во главу своей онтологии. Время же, когда (всегда) его не хватает, не даёт раскрыться бытию, уводя и ограничивая человека в восприятии сущего. И в культуре присутствия, и в культуре значения, взаимодействие человека и мира имеет некоторый момент борьбы. В первом случае – это насилие, осуществляемое блокирующими друг друга телами в пространстве. Во втором – власть, как потенциальное насилие, которое только имеется в виду, но никогда не актуализируется. Насилие в таком случае скрывается, а властные отношения смешиваются с отношениями, возникающими посредством распределения знания. Событие, как момент изменения мира, в культуре присутствия ценно само по себе, а в культуре значения подменяется инновацией. Отличный пример Гумбрехта с начинающимся концертом и теми эмоциями, которые он в нас вызывает. Мы все знаем, что концерт начнётся, когда он начнётся, с какой программой. Но сила музыки, проникающая в нас, рождает то «событие», разрывая тянущуюся ленту континуальности нашей повседневности. Это действие человека культуры присутствия не имеет такой высокой позиции в культуре значения – в ней для «события» нужен акт преобразования, создание чего-то нового.

Теперь, разобравшись, чем же отличается восприятие посредством поиска значения и ощущения присутствия, нужно перейти к идеям Гумбрехта о преобразовании гуманитарной сферы. Для создания негерменевтической концептуальной теории Гумбрехт пытается переосмыслить значение и образ гуманитарных наук, суть которых можно понять через основания и способ функционирования эстетики, истории и педагогики. По мысли автора, чтобы в гуманитарной сфере присутствие, как главенствующий мотив по-

знания нашёл себе место, три эти науки должны изменить свою суть, вместо привычного их понимания мы должны иметь эпифанию, презентификацию и дейксис.

Разработанное понятие эпифании имеет явные точки пересечения с проблематикой визуальных исследований, поэтому разберём его ниже подробнее. О презентификации и дейксисе нужно сказать лишь немного. Первый концепт переиначивает историческую науку, которая должна перестать толковать факты, определять их значения в историческом времени и начать задаваться вопросами, в каких отношениях мы могли бы быть с предметами прошлого, окажись они в настоящем [1, с. 126]. Второй концепт относится к педагогике, которая, по мнению учёного, не должна заниматься толкованием разнообразных ситуаций, поучением и наставлением кого бы то ни было, а должна показывать сложности вещей, того, как оно есть на самом деле [1, с. 131].

Для понимания эпифании, которая может описать нам иной образ встречи с объектом (визуальным особенно), нежели в субъект-объектном расположении к предмету, необходимо вернуться к основным понятиям схемы производства присутствия, которую очерчивает Гумбрехт. Эффекты присутствия противопоставляются эффектам значения, то есть такому сосредоточению смысла, работы толкования, которое обращает на себя внимание. Эффект присутствия, как пространственное отношение мира и человека, обнаруживается в особенном настрое последнего, что Гумбрехт называет «моментами интенсивности». Момент интенсивности, являясь глубоко личным, проявляется «высшей степенью мобилизации обычных познавательных, эмоциональных, может быть даже физических способностей» [1, с. 102]. Такая настроенность человека на что-либо в его универсуме порождает эстетическое переживание, которое противопоставляется эстетическому опыту, в котором центральным элементом является толкование. Эстетическое переживание (*Erlieben*) возникает при чисто физическом восприятии объекта (*Wahrnehmung*), причём этот объект, по мысли автора, находится за пределами нашего мира повседневности, объект должен быть «иным».

Таким образом, перед нами предстаёт особая структура нашего отношения к миру. В ежедневном столкновении с ним мы довольствуемся эффектами значения и вместе с этим теряем связь с вещественным миром. Это мы наблюдаем в ситуа-

ции главенствования значения, а не самих, подлинных предметов. В таком течении жизни в какой-то момент нас затрагивает какая-то вещь по доступным только нам и в то же время скрытым причинам. Эта вещь дистанцируется от нашей повседневности, а момент встречи дан нам как эстетическое переживание. Главной характеристикой такого феномена является как раз дистанция. В этом аспекте вопросы производства присутствия находятся в резонансе другого актуального концепта – двойной дистанции авторства Жоржа Диди-Юбермана, который анализирует понятие Ауры Бенямина в контексте диалектики активного, смотрящего объекта [2, с. 121-146].

Далее необходимо понять структуру эстетического переживания – эпифании. Она являет нам «чувство, что эффекты присутствия нельзя удержать, что они – а вместе с ними и актуальность значения и присутствия – эфемерны» [2, с. 114]. Конфликт человека и мира, который раскрывается в эпифании, имеет три момента. Первый – конфликт, так резко ощущаемый тем, кто находится в ситуации эстетического переживания, рождается из ничего (лучше сказать из ничто). Человек не ощущает и не знает никаких явных причин этого конфликта, конфликт не рационален. Второй – конфликт пространственно артикулирован, его появление обязательно граничит с вещью или лучше сказать с телом предмета, которое должно задевать нас в пространстве. Третий – темпоральность конфликта, который ощущается и переживается человеком как событие.

Последняя категория, используемая Гумбрехтом для описания специфичности восприятия эстетического предмета – «принудительно важное». Таким может быть предмет, вырывающий смотрящего на него из повседневности, создавая специфическое настроение, которое и подводит человека к моментам интенсивности – подлинным ситуациям восприятия эстетического. Гумбрехт также отмечает, и это особенно важно в контексте исследований способа коммуникации видимого и видящего, что акт, описанный выше, не может осуществиться без насильственной компоненты. Акт насилия заключается в независимом от нас появлении некоего предмета и сильном действии его на нас. Насилие здесь ни в коем случае «не связано с содержанием этого предмета, но только с его блокированием нашего тела» [1, с. 118].

Термин «присутствие», о производстве которого говорит Гумбрехт, не может

быть воспринят абсолютно по-новому, так как имеет в традиции большое значение. Мы не можем отказаться от того, что было сказано о присутствии Мартином Хайдеггером, и, хотя Гумбрехт оговаривается, что ему бы не хотелось быть в глазах читателей последователем этого великого немецкого философа, идеи Гумбрехта, очевидно, основываются на философии Хайдеггера, и, говоря о производстве присутствия в контексте визуальных исследований, нужно всегда оглядываться на то, что значит в гуманитарной традиции имя этого немецкого философа.

Разумеется, Гумбрехт никогда не отвергает роль «значения» или герменевтического способа восприятия мира. Он подчёркивает, что «значение» и «присутствие» всегда существуют вместе, находясь в противоборстве, читай в диалектической взаимосвязи. Это колебание и преобладание того или иного «компонента» в акте восприятия зависит от материального носителя средства коммуникации – медиума. Касаясь темы средства передачи информации, нельзя не обратиться к автору, который ввёл в активный оборот исследователей этот термин. Маршал Маклюэн, изучая природу медиума, всегда подчёркивал её большую значимость, а не собственно информацию, которую он передаёт – «общество всегда формируется непосредственно природой медиа, используемых людьми, а не их содержанием» [3]. В контексте поставленного в статье вопроса, принимая установку, что «медиа, а не содержание, является посланием» [3], мы должны сосредоточиться на восприятии присутствия предмета в нашем внимании, а не на поиске смысла в последнем.

Ценность концепта производства присутствия Гумбрехта уже отмечена в визуальных исследованиях Китом Мокси – профессором истории искусств Колумбийского университета, одним из ключевых авторов современных визуальных исследований. Особенность подхода Мокси к дисциплинарному полю в том, что большое внимание он уделяет соотношению презентации и репрезентации, как двум полярным подходам работы изображений. Следовательно, автор затрагивает семиотический и несемiotический концепции образа и изображения. В своей программной статье «Визуальные исследования и иконический поворот» Мокси делает обзор истории становления дисциплины, основных терминов и идейных источников современных авторов.

Основная претензия американского учёного к настоящему времени – исчер-

пание лингвистическим поворотом самого себя, а, значит, несоответствие практике основных гносеологических принципов: субъект-объектного разделения, анализа чувственного опыта через категории языка, доминирование «смысла» и забвение «присутствия». Последнее понятие играет для Мокси большую роль. Присутствием он обозначает тип коммуникации в несемантическом взгляде на изображение. В трактовке присутствия Мокси ссылается на Гумбрехта. В своей статье Мокси разбирает несколько вопросов о присутствии, как подходу к объектам, которые воспринимаются «говорящими», прежде чем попадают в привычные модели смысла. «В спешке понять обстоятельства, в которых мы находимся, в прошлом мы имели тенденцию игнорировать и забывать «присутствие» в пользу «смысла». Интерпретации были наброшены на объекты в целях приручить их, чтобы взять их под контроль, наделяя значениями, которыми они не обязательно обладают» [5, с. 132]. Хотя в настоящее время визуальные исследования в Великобритании и США ставят на первое место идеологическую роль образов, их способность манипулировать смыслами (репрезентативный подход), всё чаще они дополняются анализом экзистенциальной жизни этих объектов, считает автор. В силу авторитета Мокси среди современных исследователей визуального, можно сказать, что подход к изображениям, как «присутствующим», имеет место и является продуктивным в разработке концепций изображения, образа и восприятия.

В рамках визуальных исследований «производство присутствия», как методологическая установка, может быть в особенности ценной. Гумбрехт отлично показал, в каком отношении находятся присутствие и значение. Эта взаимосвязь очень тонка и автор статьи ни в коем случае не хочет отбросить всякое восприятие значения в угоду присутствию. Напротив,

усмотрение связи и воздействия одного компонента на другой даст ответ на то, как мы воспринимаем культуру, которая сегодня по природе является визуальной.

В современных визуальных исследованиях практически разрешены споры о том, что визуальный объект – образ – не укладывается в привычную для нас из семиотической традиции систему «означающие – означаемое», а процесс коммуникации с ним выходит за рамки субъект-объектной парадигмы. Исследователи визуального пришли к мнению, что поиску смыслов в визуальном образе нужно предпочесть понимание способа бытия последнего, процессу его взаимодействия с человеком. Это сделало феноменологию ведущим методом, а взгляд на изучаемое поле и его структура изменились. Визуальный образ стал тесно связываться со своим носителем, и, следовательно, внимание исследователей переключилось с поиска смысла и механизмов создания значения образов на материальное воплощение образа, на его реальное присутствие. Данный факт позволяет сделать вывод об активности образа, о его центральной позиции в процессе коммуникации. В данном контексте концепт Гумбрехта о «производстве присутствия» имеет большую ценность для визуальных исследований и обязателен для включения в методологическую повестку и круг оснований данного научного поля.

Список литературы

1. Гумбрехт Х.-У. Производство присутствия: чего не может передать значение. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 184 с.
2. Диди-Юберман Ж. То, что мы видим, то, что смотрит на нас. – СПб.: Наука, 2001. – 263 с.
3. Маклюэн М. Интервью для Playboy // Marshall McLuhan. – URL: <http://www.mcluhan.ru/articles/marshall-maklyuen-intervyu-dlya-playboy-ch-2/>.
4. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Академический Проект, 2011. – 410 с.
5. Moxey K. Visual Studies and the Iconic Turn // Journal of Visual Culture. – 2008. – № 7. – С. 131-146.